

ИСТОРИЯ ЕВРОПЫ ГЛАЗАМИ ЭКОНОМИСТА: О СТАТЬЯХ Е.Т. ГАЙДАРА

(Сотворение Европы // Вестник Европы. – 2004 – 2005. Т. XIII-XIV. С. 24-57;
Особость России. XI – XX вв. // Вестник Европы. – 2005. Т. XV. С. 92-123)

В последнее время интерес к истории со стороны представителей разных специальностей уже не удивляет. К ней обращаются за опытом и уроками. К сожалению, нередко историю используют в спекулятивных целях, тенденциозно отбирая факты для подтверждения ее авторитетом тех или иных субъективных воззрений. Отсюда известное недоверие профессиональных историков к «вторжению на их поле чужаков». Однако развитие современных наук невозможно без междисциплинарных связей. Поэтому свежий взгляд со стороны заинтересованного специалиста необходим и истории. Именно к такому взгляду можно отнести статьи Егора Гайдара, обратившегося к истории становления современной Европы.

В статье «Сотворение Европы» автор анализирует генезис западной цивилизации. Начинается этот анализ, естественно, с истоков европейской истории, с античной эпохи. По мнению Гайдара, *«сердцевина античного феномена заключена в уникальной способности преодолеть одну из ключевых проблем аграрного мира – несовместимость крестьянского труда и военного дела»* (с. 24). И далее следует аргументация этого тезиса. Автор подчеркивает роль географической среды – моря и поликультурного сельского хозяйства в условиях гористого рельефа и субтропического климата. Сочетание указанных факторов породило появление ранней производственной специализации и, как следствие, межрегиональной кооперации, способствовавшей раннему развитию торговли.

Особую роль Гайдар отводит пиратству и борьбе с ним, подчеркивая, что именно оно при отсутствии централизованных государств в Средиземноморье рубежа II – I тыс. до н.э. вызвало к жизни самоорганизацию разбросанных по гористому побережью общин – основ будущей полисной структуры Древней Греции. Успешная борьба с пиратством и способствовала, справедливо подчеркивает автор, развитию торговли как более прибыльной и устойчивой формы существования многочисленных мореплавателей (первоначально пиратов и торговцев в одном лице). Далее автор переходит к анализу становления государственности в регионе, замечая при этом, что опыт соседних ближневосточных централизованных империй древности, распространившийся на восточносредиземноморский регион в крито-микенскую эпоху, оказался тупиковым. Причина видится в том, что империи Древнего Востока сложились в земледельческих обществах, где в силу логики организации производственного процесса произошло разделение на крестьянское большинство и правящее меньшинство. Последнее – военное сословие – сумело организовать централизованный сбор налогов.

Добавим к этому суждению Гайдара еще один известный историкам аргумент: необходимость консолидации с целью ведения широких ирригационных работ и централизованной военной организации для отпора кочевникам –

бичом всех древних земледельческих цивилизаций. Подчеркнем, что именно эти потребности и сформировали подмеченный автором-экономистом способ изъятия ренты в деспотических земледельческих цивилизациях – через прямые налоги на содержание и постоянной армии, и разветвленной административно-бюрократической системы для организации ирригационных работ и поддержания общего порядка. В таких условиях и произошло отделение земледельцев от военного дела, что также способствовало развитию деспотизма на Востоке.

В противоположность этому в Восточном Средиземноморье в начале I тыс. до н.э. сложилась полисная система: уникальная форма соединения политической организации с индивидуальными правами членов общин – самостоятельных хозяйств¹.

Характеризуя полис, автор акцентирует внимание на его социальной специфике – относительно неглубокой дифференциации населения при исполнении военных функций всеми жителями, что способствовало и сохранению в полисе демократических форм общественной организации. Среди причин дальнейшего развития и совершенствования полисной системы автор видит и осознание самими греками превосходства их порядка перед «восточным деспотизмом» агрессивных азиатских соседей. Но главное в генезисе полисов и античного общества в целом – глубокая интеграция в аграрный мир торговли, что и позволило соединиться в единое целое таких противоположных в традиционных обществах структур, как деревня и город.

Автор, однако, не углубляется в причины сложения специфического поликультурного хозяйства греческих полисов, объясняя его появления лишь рельефом, морем и ранним расцветом торговли, что ослабляет его аргументацию. Следовало бы упомянуть и специфическую для жителей Аттики нехватку зерна, что не только вынуждало эллинов в его поисках развивать торговлю и мореплавание, но садоводство, и особенно ремесла, для организации нормальной торговли с населением зерновых регионов, коль скоро пиратство, как замечает Гайдар, оказалось нерентабельным. А сил для захватов обширных колоний, добавим, было у греков недостаточно.

Именно столь раннее создание многоотраслевого хозяйства и способствовало рождению той специфической налоговой системы, которая, по мнению автора, стала фундаментальной причиной последующего динамичного развития и, шире, исключительности античного общества: *«отсутствию прямых налогов, которые эллины отождествляли с рабством»* (с. 31).

Полагаю, анализ налоговой системы древних обществ – одно из наиболее существенных достижений автора. Он подчеркивает, что древние греки не платили прямых налогов, и причину этого видит в кочевом прошлом индоевропейцев.

Сложно судить об истоках таких порядков, ибо источники индоевропейской эпохи – бронзового века – не дают сведений о характере и даже наличии податей. Думается, регулярные налоги – удел цивилизованных обществ с определенными раннегосударственными структурами. Первобытность их не знала вообще. Судя по сообщениям Тацита, германцы, не будучи кочевниками, совершали добровольные подношения своим предводителям, а с покоренных, т.е. зависимых (пусть и на время), очевидно, собирали дани. Поэтому и древние греки какими-либо обязательными платежами не облагались. Тем более что неразделенность общественных функций в полисах не способствовала созда-

¹ Заметим попутно, что попытка перенести понятие *полис* в иные цивилизации, например, в древнерусскую (И.Я. Фроянов и его последователи), неправомерна, ибо здесь был совершенно иной контекст: типичное земледельческое общество при отсутствии четких прав частных лиц на землю. В эти тонкости Гайдар не вдавался, но при анализе особости России помнить об этом надо.

нию некоей особой администрации, содержание которой делало бы налоги необходимыми.

Считаю, такое добавление делает более объяснимыми и доказательными дальнейшие рассуждения Гайдара о специфичности и исключительности налоговой системы античности. Он подчеркивает, что *«отсутствие прямых подушевых и поземельных налогов не только отличает античный мир от большинства аграрных государств, но создает предпосылку для принципиально иной эволюции отношений собственности, в первую очередь важнейшего в аграрную эпоху вида собственности – земельной. Собственность крестьянина в аграрных государствах обременена обязательствами. В ней переплетаются права обрабатывать землю и кормиться с нее и обязанности содержать господствующую элиту. Если нет прямых налогов и других изъятий у крестьян, более того, они несовместимы с традициями, то формируются простые и понятные земельные отношения. Земля принадлежит тому, кто пользуется ее плодами; он может распоряжаться ею по своему усмотрению: закладывать, продавать, обменивать. Это послужило базой для специфической модели нераздельной, не обремененной обязательствами, свободно обращающейся на рынке частной собственности»* (с. 33).

И далее, поскольку прямые налоги не применялись, а широкое развитие торговли и, добавим, ремесел, рождало в полисном обществе рыночные отношения, то возникло косвенное налогообложение, с оборота. Это изобретение эллинов оказалось весьма продуктивным для общественного прогресса, ибо породило широкую заинтересованность в свободном хозяйственном развитии. Последнее, в свою очередь, способствовало укоренению и прав частной собственности, и неотделимых от рыночных свобод представлений о правах свободных собственников и демократии. Именно в этом причины расцвета античных обществ. И лишь технологическая ограниченность античной экономики – необходимость в труде рабов, высвобождавших свободных для несения всех иных гражданских обязанностей, – постепенно разрушила античную цивилизацию.

Другую причину, вызвавшую кризис античности, автор видит в постепенном разрушении первоначальной многофункциональности члена полиса – *«свободный крестьянин – воин – член общины»* (с. 36). Ибо усложнение межгосударственных отношений сделало войны постоянным фактором политической жизни. Потребовались профессиональные воины, а значит, и дополнительные средства. В восточных монархиях проблема решалась прямыми налогами, не принятыми в античной среде. В античном обществе она была решена в конечном итоге за счет централизации под эгидой Македонии, а затем – Рима. Но, отмечает автор, близость к основным центрам греческой цивилизации и сходность хозяйственно-географических условий этих западных соседей классических греческих полисов позволила сохраниться таким ключевым их формам, как господство городов, местного самоуправления и присущих ему форм, в том числе и налоговой системы. Хотя постепенно под влиянием ближневосточных традиций эти нормы и размывались (с. 37).

Размывались они и вследствие создания обширных империй, в которых полисная система управления должна была заменяться централизованно-бюрократической. И лишь *«длительная традиция позволила поддерживать демократические институты до середины I века до н.э. – времени, когда Рим превратился в огромную многонаселенную империю»*, оборона которой *«становится очень дорогостоящим занятием, а войны приносят все меньше трофеев, на которые можно содержать армию»* (с. 37-38).

Дальнейшие процессы углубления кризиса Рима историкам хорошо известны, но автор добавляет и то, что лучше видно экономисту: «С 212 года все свободное население империи получает статус граждан Рима, потеряв заодно привилегии по уплате душевого налога. При Диоклетиане налоги выходят на предел, выше которого устойчивое функционирование аграрного государства невозможно. Начинается классический финансовый кризис, связанный с избыточным обложением и эрозией доходной базы бюджета. К IV веку в Риме уже мало что остается от традиционных античных институтов, а жалобы на тяготы налогового бремени приобретают всеобщий характер. Повсеместно вводятся характерные для традиционных восточных деспотий подушная и поземельная подати, механизм круговой поруки. Все это распространяется и на города, прежде пользовавшиеся правом самоуправления и налоговым иммунитетом. С этого времени очевиден закат городов, деурбанизация империи. При Диоклетиане порядки и ритуалы ближе к традициям аграрных деспотий, чем к античным». Было введено даже преклонение колен перед императором, подчеркивает автор. И далее: «Общественный организм Западной Римской империи... утратил важнейшие черты античности, трансформировался в III – IV веках в аграрное государство с высокими налогами, взимаемыми с крестьянского населения правящей элитой. Оттого и рухнул в V веке» (с. 39). Уцелевшая восточная часть Римской империи – средневековая Византия – развивалась в типичную восточную деспотию (аграрное государство, по формулировке автора).

Анализируя причины гибели Рима и всей античной цивилизации, Гайдар подчеркивает экономическую составляющую: «Порожденные античностью разнообразие и свобода позволили бы создать новую, устойчивую базу развития, если бы обеспечили рост продуктивности сельского хозяйства, занятости в сферах, не связанных с производством продовольствия. Но для этого еще не было необходимых предпосылок, не было накоплено достаточно знаний и технологий». И далее: «Горькая правда состоит в том, что для стабильного функционирования аграрного общества тот уровень свободы и многообразия, который несла в себе античность, был лишним». И сам опыт античности оказался востребованным лишь спустя полтора тысячелетия развития.

Но в анализе наследия, доставшегося завоевавшим Западную Римскую империю германским племенам, автор выделил лишь культурную традицию классической античности. Востребованность же «социально-экономического генотипа греческих и римских представлений о возможности альтернативного государственного устройства, иных правовых отношений» он оставил лишь новому времени. И тем самым лишил свою аргументацию существенного элемента – института частной собственности, одного из важнейших феноменов античной цивилизации, родившегося в специфических условиях полисной демократии и одновременно одного из столпов этой самой демократии. Полагаю, именно этот феномен, ставший юридическим «обрамлением» германских представлений об индивидуальных наследственных земельных наделах – аллодах, – стал одной из основ западной цивилизации, зарождавшейся на руинах римского общества.

Хотя бы упоминание этого «изобретения» античности сделало бы куда более обоснованным заключительный вывод автора о роли античности в человеческой истории: «Именно это сказалось на дальнейшей эволюции западноевропейских государств, отклонило ее от траектории, характерной для устойчивых, но застойных аграрных государств, позволив человечеству выбраться из институциональной ловушки аграрной цивилизации» (с. 40).

К сожалению, и в дальнейшем анализе развития раннесредневековой Западной Европы автор все так же в упор не видит роли аллодов в формировании специфического западноевропейского феодализма – сеньориального строя. Естественно, экономисту ближе анализ финансовых проблем. Гайдар пишет, что феодализацию породил развал финансов. Отсюда важный признак тогдашнего западноевропейского порядка: «Обычай, согласно которому «король живет за свой счет»; если ему понадобятся дополнительные средства, приходится договариваться с подданными о том, где их брать» (с. 42). Но ведь независимость подданных и есть следствие их аллодиальных прав, вплоть до прав на отчуждение наделов, из которых формируются не только крестьянские держания, но и владения королевских и герцогских дружинников, которые впоследствии также входили в рыцарские домены, как и бенефиции эпохи Каролингов.

Другую характерную особенность становления западных феодальных порядков автор подметил верно: отсутствие военной угрозы, требовавшей консолидации населения по восточному деспотическому типу. Так возникли аморфные варварские королевства. Но не это было причиной их слабости во второй половине I тыс. н.э., а именно незыблемость прав на огороженные участки (аллоды), как это указывалось еще в Салической правде (начало VI в.). Отсутствие поблизости воинственных номадов позволило народам Западной Европы избежать судьбы восточных славян, длительная борьба которых со степняками законсервировала у них коллективную земельную собственность и способствовала становлению деспотических государственных порядков.

Именно поэтому и разделение варварских обществ на крестьян и воинов не породило в Западной Европе деспотических порядков. В VI – VII вв. воинов там было столь мало, что для обеспечения их потребностей хватало унаследованных от Рима рабов, которых и помещали в соответствующих аллодах. А когда позднее, при Каролингах, началось формирование рыцарства, принцип устойчивости частных земельных прав сохранился и в даруемых бенефициях, трансформировавшихся затем в феодалы. Вот в этом и сыграл свою роль синтез германских аллодиальных традиций и норм римского права в отношении собственности. Поэтому в раннесредневековом западноевропейском (земледельческом в своей хозяйственной основе) обществе прямой налог с зависимых крестьян – феодальная рента – не превратил всех подданных монарха в его, по сути, рабов, как это было на Востоке. Платежи остались локальными; их несли только своему феодалу, но никак не королю, и сложилась известная формула: вассал моего вассала – не мой вассал.

Автор, как видно, не обратил на эту сторону становления Европы должного внимания. Но именно специфика западноевропейских раннесредневековых земельных порядков существенно подкрепляет дальнейшие наблюдения и выводы Гайдара. Заметим, что к особенностям земельной собственности в Западной Европе автор обратился лишь в заключительных абзацах статьи, лишь в контексте развития капитализма в Англии в XVII – XVIII вв.

В анализе западноевропейской специфики автор обращается к роли церкви, также способствовавшей восприятию античных традиций в землепользовании. Но без ссылок на аллод эта роль не кажется существенной.

Далее автор переходит к анализу роли средневековых европейских городов. Однако и здесь он, будучи прав по существу, не использует всех возможных аргументов. Попутно отмечу и локальные неточности. Франкская знать в отличие от лангобардской в городах не селилась (с. 45). Но более существенна недостаточная проработка проблем генезиса городских свобод. Дело не только в наследии античности. Тем более, что к северу от Альп континуитет античных

традиций в сложении специфических городских свобод играл далеко не ведущую роль. Традиции самоуправления и городских свобод – продукт, прежде всего, традиций германской общины-марки с ее аллодами. Уходя от личной зависимости из попавших под власть сеньоров деревень, сельские ремесленники на новых местах воссоздавали общинные порядки дофеодалных времен. Наследие античности здесь скорее не прямое, а косвенное, через юридическое оформление прав собственности, что стало основой и городского права.

Что касается дискуссии о причинах различия положения крестьян к западу и востоку от Эльбы, начиная с XIV – XV вв., то едва ли она, как замечает автор, будет продолжаться бесконечно. Тем более, что со ссылкой на авторитетные исследования медиэвистов автор верно указывает различия в уровне развития западно- и центральноевропейских городов (с. 46). Но вот этих различий Гайдар не касается, а напрасно. Ибо неразвитость городов в Центральной Европе напрямую была связана с прочными общинными порядками в западославянских землях. Но, как уже замечено выше, особенности варварских общинных порядков не были замечены автором.

Дальнейший анализ феномена средневекового западноевропейского города точен. Это и характеристика специфики городской организации, и роли христианства в реабилитации физического труда, и, особенно, роли города в становлении, вернее, восстановлении, торговли и вообще рыночной экономики, но уже на просторах всей Западной Европы. Особое место в этом анализе автор, естественно, уделяет налоговым новациям, подчеркивая *«зарождение налоговых систем, с определенными изменениями пришедших в мир современного экономического роста»* (с. 48). Гайдар опирается, прежде всего, на примеры североитальянских городов-государств, в которых и зародилась капиталистическая экономика. Подчеркивая, что, как и в античные времена, *«торговые города-государства получают подавляющую часть доходов от косвенных налогов, часто – от таможенных сборов. Прямые налоги распространены мало и, по античной традиции, обычно вводятся лишь в чрезвычайных обстоятельствах»*. В целом, такая система способствовала инновациям (с. 48). Полагаю, автор излишне осторожен в констатации буржуазного характера городов-государств XIV – XV вв.

В поисках дополнительных аргументов в своем анализе европейского развития автор обращается и к анализу военного дела. Справедливо его заключение о том, что потребности в постоянных армиях консолидировали государства вокруг королей. Но едва ли это произошло лишь под влиянием «поражения рыцарской конницы Франции в Столетней войне». Вернее, нельзя ограничиться ссылкой только на эти события.

Зато анализом эволюции налоговой системы в западноевропейском средневековом обществе автор представляет веские обоснования своей концепции. Гайдар выделяет существенные черты, отличавшие налоговые порядки в разных регионах. Если во Франции они с усилением государства начинали принимать формы, традиционные для аграрных империй, то в Англии формируется система, близкая порядкам североитальянских городов-государств. К сожалению, автор не пытается искать причины этой английской специфики. А ведь здесь тоже не обошлось без общинных порядков, подкреплявшихся в Англии сохранением свободного крестьянства, чего не было во Франции. Отсюда – и подчеркнутая автором *«демократия налогоплательщиков»* (с. 52). Ее распространение в наиболее развитых государствах Западной Европы, т.е. возвращение к принципам античного полиса (свободные граждане не платят прямых налогов), как справедливо подчеркивает Гайдар, и стало одним из основных факторов развития западноевропейской цивилизации в Новое время.

Действительно, везде, где побеждал этот принцип, наблюдался прогресс в развитии (пример Голландии). И наоборот, «переобложение испанских крестьян» в XVI в. привело к эрозии налоговой базы и финансовому кризису самой могущественной европейской монархии начала XVI в. Опыт Голландии способствовал и капиталистическим преобразованиям в Англии. Но, заметим, и соседи, Франция и германские княжества, тоже видели этот опыт. Однако для них «не в коня оказался корм». Не потому ли, что Англия уже была готова к его восприятию в силу внутренней специфики: сохранения свободных общин, местного самоуправления и появления такого феномена, как новое дворянство. Жаль, что, описывая события, связанные с Великой Хартией Вольностей и парламентом, автор не обратил внимание на это специфически английское явление – появление дворян-предпринимателей.

Но, несмотря на отмеченные неточности, естественные для неисторика, статья воспринимается с большим интересом, ибо автор обратил внимание на те стороны в истории Европы, которые не замечали профессиональные историки. Прежде всего это – специфика и значение налоговой системы, особенно в античном обществе. Вывод о том, что только косвенные налоги стимулируют экономическое развитие, а иное ведет если не к кризису и развалу, то к стагнации, не только актуален для нашего времени, но весьма наглядно подтверждается историческими примерами. А ведь правильно понятая историческая практика и есть критерий истины. Уж лучше учиться на опыте прошлого, чем на собственных ошибках, оставляя их исправление детям и внукам.

Вторая статья посвящена анализу под уже описанным углом зрения русской истории. Будучи медиевистом, остановлюсь на тех ее страницах, которые посвящены древности и средневековью Руси.

Вводные абзацы статьи связывают ее с вышерассмотренной публикацией. Автор констатирует характерную особенность Западной Европы в начале II тыс. – наибольшую развитость североитальянских и прирейнских земель. Хотя тема статьи – о другом регионе, но коль уж затронут этот феномен, почему бы не объяснить его? Тем более что объяснение лежит именно в сфере профессиональных интересов автора: в торговле. Именно она способствовала хозяйственному прогрессу региона, к которому надо бы добавить прилегающие на побережье Северного моря Нидерланды.

Начало текста о России демонстрирует зависимость автора от риторики современных российских публицистов. Во-первых, называть восточнославянские (древнерусские) княжества домонгольского времени Россией – нарочитая модернизация. Так же, как нельзя называть государство времен Карла Великого Францией, и средневековые германские земли Германией и т.д. Изучать эпоху желательно в ее понятиях, иначе – риск модернизации и других ошибок.

Во-вторых, «европейскость» раннесредневековой Руси доказательств не требует из-за, прежде всего, географической общности и порожденного ею хозяйственного единства – оседлого земледелия. Кстати, оседлость раннесредневекового варварского населения Европы (и германцев, вопреки первоначальному прочтению римских авторов, и славян) в ХХ в., бесспорно, доказана археологами. Ссылка автора на статью В.Т. Пашуто, опубликованную в 1972 г., выглядит анахронизмом, особенно учитывая политические реалии тогдашней советской историографии. Отставание древнерусских земель в XI – XIII вв. автор констатировал лишь в одной фразе, объяснив его отдаленностью «от центра европейских инноваций». С этим нельзя согласиться: здесь все намного сложнее. Понятно, что, стремясь поскорее добраться до более современных, актуальных и

близких нам всем проблем, Гайдар делает лишь эскиз более ранних эпох. Но именно в домонгольской Руси лежат корни многих наших современных коллизий². Их анализ мог бы существенно усилить излагаемую далее концепцию автора. Здесь же заметим, что отставание домонгольской Руси от Запада было относительным и не во всем очевидным. Вспомним, что отделение ремесла от сельской экономики и массовое появление городов произошло почти синхронно по всей средней полосе Европы от бассейнов Сены и Луары до Днепра и Верхней Волги. А вот сельский мир и опиравшая на него политическая система действительно разнились на западе и востоке континента, но причины этого коренились в особенностях землепользования, разных формах общины³. Античное влияние лишь ускоряло западноевропейское развитие, но не было первопричиной. Ибо, например, Византия вообще была наследницей Рима, но тоже замедлилась в своем развитии, а с XII в. впадала в затяжной кризис, из которого так и не выбралась. В компаративистском анализе этих явлений можно найти массу интересных для Егора Тимуровича аргументов.

Пассаж о славянах-индоариях – дань модному в современной российской публицистике поветрию удревять российскую историю до первобытности. Едва ли это уместно. Ибо индоевропейская общность распалась в процессе расселения на просторах Европы еще во II тыс. до н.э., а достоверно славянские племена фиксируются не ранее конца I тыс. до н.э. Более ранние свидетельства слишком неопределенны, чтобы на них опираться в серьезных исследованиях, к каковым, безусловно, относятся и работы Гайдара. К тому же этот сюжет действительно далек от выбранной проблематики.

После этого автор сразу пишет о правящих династиях раннего средневековья. Но ведь от индоевропейской (арийской) общности до этой эпохи прошло не одно столетие... Сопоставление древнерусского права с древнегерманским действительно демонстрирует много общего, что естественно для земледельческих обществ на сопредельных территориях. Но есть там и различия, связанные с особенностями землепользования, о которых автор не пишет (вспомним «Салическую правду» с титулами об отказе от родства, об аллодах, о переселенцах).

Пытаясь объяснить причины замедленного развития древнерусских земель, автор упоминает о бедных почвах и континентальном климате, что справедливо. Но он ошибается, констатируя более поздний переход восточных славян к пашенному земледелию. Во всей лесной зоне Европы он начался с конца I тыс. н.э. и завершился в XIII – XIV вв. как на западе, так и на востоке континента. В этом отставания не было. Оно было в интенсивности процессов, но ведь и население здесь было куда более редким, чем на западе. Демографический фактор Гайдар почему-то опускает.

А замедленное становление государственности действительно имело место. Но коль автор пишет, что *«российская община начала второго тысячелетия н.э. была похожа на современную ей европейскую марку, включала элементы частного землепользования, неравенства в земельных долях»* (с. 92), тогда, действительно, чем же объяснять отставание? К сожалению, как и в предыдущей статье, автор ушел от анализа общинных порядков и потому в этом ошибается. Где похожесть «на европейскую марку»? Ведь она – община аллодистов, имевших право выхода с земельным наделом через процедуру отказа

² Мне довелось их подробно рассмотреть в монографии: РИЕР Я.Г. Аграрный мир Восточной и Центральной Европы в средние века (по археологическим данным). – Могилев, 2000.

³ Аллоды у германцев и их потомков и коллективное землепользование у славян, по началу не только у восточных, но и западных.

от родства. Могли ли такое позволить себе восточнославянские крестьяне? Кстати, и западнославянские до XI – XIII вв. тоже. Археологи убедительно доказали отсутствие усадеб у западных славян до XI в., а у восточных – до XIV в.⁴ А выход с землей из общины и вовсе произошел, как известно, по воле П.А. Столыпина лишь в начале XX в.

Отказавшись искать аргументы в особенностях землепользования, автор обращается к внешним явлениям. Здесь его наблюдения достаточно точны. Это и отдаленность от морского побережья⁵, и специфика торговых путей, и низкая урожайность из-за малой плодородности почв при изобилии самих земельных ресурсов (вследствие слабой заселенности древнерусских земель).

Далее автор переходит к анализу социального развития Руси, констатируя его отставание от западноевропейского, и рассматривает роль византийского влияния. Здесь верно подмечено, что подчиненность константинопольской церкви государственной власти, в противоположность положению западной церкви, отрицательно повлияла на развитие Руси. Ибо именно независимость католической церкви способствовала ограничению государственной власти в западноевропейских странах и, добавим, способствовала созданию системы разделения властей, что впоследствии развилось в политических институтах западноевропейских стран Нового времени.

Оправданно важное место в дальнейшем анализе русской истории уготовано Степи и монголам. Именно они укрепили известные восточные черты российского общества. Автор приводит совершенно справедливый вывод американского исследователя о том, что *«монгольская система налогообложения была более обременительная, чем любая известная до этого в России. Приняв татаро-монгольскую модель, московские великие князья оказались способными извлекать больше доходов, чем когда бы то ни было раньше, и использовать завоеванные земли, максимизируя извлекаемые доходы и, соответственно, власть. Москва продолжала собирать полный объем монгольских налогов в России даже после того, как она перестала передавать их Золотой Орде»* (с. 98). Приняв эту систему и сохранив ее в дальнейшем, Россия превратилась в азиатское общество, как это в условиях сильной центральной власти происходило и в Византии.

Далее автор развивает выводы предыдущей статьи о специфике налоговых систем Запада и Востока. Справедливо указав на европейские традиции Новгорода и Пскова: *«представление о том, что свободные люди не платят прямых налогов, укоренилось практически только в Новгороде и Пскове»*, он констатирует, что *«после освобождения от татаро-монгольского ига российская налоговая система уже принципиально отличается от европейской»*. И далее: *«Это характерная для восточных деспотий структура, основанная на переписи и податной общине с круговой порукой, не предусматривающая органов, которые представляют интересы налогоплательщиков, позволяющая выжимать ресурсы у крестьянского населения страны при помощи централизованной бюрократии и государственного принуждения»* (с. 98).

И лишь теперь автор замечает особенности русской общины. Но констатация, что только под влиянием монгольского ига она изменилась, ошибочна. Действительно, власти оказалась очень выгодной прочная община, с круговой порукой,

⁴ Позволю еще раз сослаться на себя: РИЕР Я.Г. Аграрный мир... – С. 206-218.

⁵ Жаль, что автор не обратился к достаточно полным исследованиям по этим проблемам: Дулов А.В. Географическая среда и история России (конец XV – середина XIX в.). – М., 1983; Милов Л.В. Природно-климатический фактор и особенности российского исторического процесса // Вопросы истории. – 1992. – № 4-5. – С. 37-56.

с отсутствием частных прав крестьян, и она консервировалась. Может, именно континуитет общинных порядков с домонгольских времен и способствовал сложению в России деспотического режима восточного типа с представлениями «о всевластии российского государя и безграничности его прав, о подданных-холопах». Потому и города, за исключением хрестоматийных Новгорода и Пскова, не познали европейских вольностей. Не было внутри древнерусского общества такого стержня, как западноевропейский аллод. Потому, заметим, и сеньории с внутренней автономией, иммунитетами и в домонгольское время на Руси не сложились. Оттуда и «коллективная ответственность общины перед государством за уплату налогов и выполнение повинностей, и в гарантировании каждой семье возможности вести хозяйство... Община несет коллективную ответственность за уплату налогов, отбывание повинностей, поставку рекрутов» (из ссылки на Л.В. Данилову).

Кстати, потому не совсем корректно и сопоставление Новгорода с североитальянскими городами-государствами. Ведь в Новгороде и Пскове правили, в конечном счете, окрестные бояре, а не посадские (близкие итальянским «жирным пополанам»). Впрочем, и в таком виде эти города действительно были ближе Западу, чем остальной Руси, что справедливо видит автор в городском ополчении. Кстати, позднее, в составе Великого княжества Литовского, многие приднепровские города имели такие же ополчения⁶.

Поэтому и вывод о том, что «Россия, до начала XIII века шедшая в общем русле европейского развития, к XV – XVI векам превращается в традиционное централизованное аграрное государство со всеми характерными для него чертами – всевластием правителя, бесправием подданных, отсутствием институтов народного представительства, слабостью гарантий частной собственности, отсутствием независимых городов и местного самоуправления» (с. 99-100), не совсем верен. И в предшествующее время она отличалась от Запада.

Иное дело, что и у западных славян общинные порядки изначально были аналогичными, что позволяет констатировать особый тип славянской общины, более сплоченной, чем германская. Вызвано это, полагаю, не только близостью германцев Риму, но и природными особенностями первоначальной германской территории, где более приемлемыми еще в последние века до новой эры оказались индивидуальные земельные крестьянские владения. Впоследствии благодаря влиянию римского права они и превратились в аллоды. Но и не знавшие римского влияния скандинавы из-за мелкоконтурности своих наделов тоже привыкли к их неделимости и сохранению за конкретными семьями (одадь)... Впоследствии и у западных славян под влиянием латинского мира и соседних германских феодальных порядков также произошло разрушение прежней сплоченной общины. Вместо этого у чехов и поляков в XIII – XIV вв. возникает так называемое «немецкое право». Пришло это к западным славянам через сложившиеся у них феодальные элиты, воспринявшие латинскую политическую систему и культуру⁷. Вот здесь и сказалась роль православия, отделившего Русь от остальной Европы, что и констатирует автор.

В дальнейших сопоставлениях путей развития Руси и Запада тоже встречаются неточности. Прежде всего, из-за того, что Гайдар оперирует столетиями, как и при анализе античности в предыдущей своей статье. Но если в том случае

⁶ Вспомним сообщение польского хрониста Яна Длугоша о роли смоленских полков в битве с крестоносцами под Грюнвальдом в 1410 г.

⁷ Подробнее см.: Риев Я.Г. Цивилизации средневековья и начала нового времени: опыт структурного анализа. – Могилев, 2003.

это было оправдано, средневековье – уже более динамичная эпоха, особенно для Запада, и писать в одном абзаце и о закреплении крестьян, и о географических открытиях (с. 100) некорректно, ведь между этими явлениями в Западной Европе прошло полтысячелетия!

Зато причины ликвидации личной крестьянской зависимости в Западной Европе раскрыты хотя и кратко, но точно: *«рост численности и плотности населения, нарастающий земельный дефицит»* (с. 103).

Но, обращаясь к Польше, Венгрии, Румынии, Германии к востоку от Эльбы, автор вновь допускает неточности. Во-первых, едва ли уместна калька с современной западной литературы, в которой всю Европу восточнее ФРГ относят к востоку континента. В этом – отголоски восприятия стран бывшего советского блока как спутников СССР. И географически, и исторически названные страны уместно относить к Центральной Европе, что подчеркивает, к тому же, и их политическую особенность. Во-вторых, к ним не относится выражение «вторичное закрепощение»⁸, ибо в XIV – XV вв. оно там только началось и потому было «первичным». С середины XV в. ограничение крестьянских свобод началось в Великом княжестве Литовском, с XVI в. – и на Руси. Причем едва ли на Руси начавшееся закабаление крестьянства было, как указывает Гайдар, освоением *«восточноевропейского опыта вторичного закрепощения»* (с. 101).

И далее при общем верном понимании проблемы – вновь неточности. Автор справедливо подчеркивает, что крепостничество в странах Центральной и Восточной Европы было жестче, чем в предшествующее время в Западной Европе. Но там оно было не в VII – X вв., а в IX/X – XIII вв. Неточность непринципиальная, но может использоваться критиками для подрыва доверия ко всей концепции, что было бы жаль, тем более, что Гайдар правильно подметил *«контрактные элементы»* в отношениях между западноевропейскими крестьянами и их владельцами-феодалами. Поэтому ряд современных медиевистов вообще предпочитают не называть такие отношения крепостническими, оставляя этот термин для русского крестьянства.

Заканчивает анализ средневековой истории Руси автор справедливой констатацией отставания русского города от западноевропейского, отсутствием в нем автономии, что вытекало из всего предшествующего развития.

На этом остановлюсь, ибо дальнейшее изложение выходит за рамки средневековья.

Как видно, не являясь историком, Егор Тимурович допустил в рассмотренных статьях ряд неточностей. Поскольку они являются главами будущей книги, хотелось бы их устранения в окончательном издании.

Но эти неточности не умаляют главного, что и побудило меня к написанию данных заметок: выделению экономических основ развития основных европейских цивилизаций – западной и российской. Автор сумел обратить внимание на такую существенную черту, как специфика форм налогообложения, сыгравшую одну из ключевых ролей в динамичном развитии Запада и стагнации Востока. Историки эту специфику обычно не замечают, в чем и ценность для них рассмотренных статей.

Я.Г. РИЕР

⁸ От фразы Ф. Энгельса из «Крестьянской войны в Германии», более известной как «второе издание крепостничества».